

8-й олимпийский век близится к концу, и Средиземноморье было настолько мирное, насколько это возможно. Вольные города-государства не воевали друг с другом десятилетиями, и временами их отношения можно даже назвать дружескими. Урожаи обильны, торговля процветает. Варварские народы дальнего востока и запада остались такими же, как и прежде, рычащими зверьми, сражающимися за объедки у подножия горы Олимп. Жизнь свободного гражданина – это декадентское существование.

Естественно, этого недостаточно. Восхождение на вершину божественной горы сопряжено с разрушительными испытаниями, но люди всё равно взбираются на неё. Богатство и удовольствия в невероятных количествах слишком часто сбрасываются, как мёртвый груз, со спины человека, когда он тянется к следующей ненадёжной опоре. Это безумие. Это совершенно против воли Судьбы.

Это культивация. И это то, что отличает людей от животных.

Наша история начинается в городе-государстве Аликос на побережье Ионического моря, где находится Култ великих тайн Розовой Зари. В его сердце находится обширное личное поместье кириоса Розовой Зари. Его зовут Дэймон Этос, и он отец и глава культа.

В эту ночь его уважаемый сын устраивает вечеринку, ослепительный симпозиум с участием самых многообещающих посвящённых культа. Ночное небо ясное и яркое от звёздного света, полумесяц купает дворы в своём серебряном сиянии. Духовное вино течёт свободно, а смех наполняет залы поместья. Молодые люди Культа Розовой Зари в приподнятом настроении.

Наша история начинается с раба, борющегося на их потеху.

Молодой Аристократ

Я принял свежий скифос духовного вина от застенчиво улыбающейся гетеры, полулёжа и подперев голову одной рукой, в то время как мой кузен обменивался ударами с рабом.

Насмешки и провокации исходили от присутствующих, каждый из которых был посвящённым Культа Розовой Зари и, кроме того, сыновьями уважаемых граждан. Комнаты были достаточно малы, чтобы можно было увидеть белки человеческих глаз с другой стороны комнаты, преднамеренный дизайн для таких ночей – молодые люди культа стояли вдоль всех четырёх стен.

Таким образом, у всех нас было чёткое представление о зрелище в центре, когда мой кузен замахнулся со всей силы и снова промахнулся. Раб пригнулся и ударил в выпаде обеими руками, сжатыми в кулак, вонзая их ему в живот и выбивая из него воздух. Он воспользовался своим преимуществом, избивая моего кузена кандалами, прикрепленными к каждому из его запястий.

Цепь соединяла оковы несчастного вместе. Он не мог развести руки достаточно далеко, чтобы нанести настоящий удар, и всё же Херон был тем, кто плевался кровью. Я сделал глубокий глоток своего духовного вина, наслаждаясь вкусом и ощущением того, как оно течёт по горлу и просачивается в моё ядро, где оно смешивается с моей пневмой.

— Как вы думаете, он это имел в виду, говоря про обучающий опыт? — весело спросила гетера,

сядаясь позади меня и запуская пальцы в мои волосы. Особенно жестокий удар в бок сломал кость, отбросив моего кузена в сторону. — Почему-то мне кажется, что нет.

— Урок будет усвоен в любом случае. — Дураку некого было винить, кроме самого себя. Его панкреатит был ужасен, время, которое он проводил, трудясь между ног шлюх вместо гимназия, явно бросалось в глаза. В идеальном мире это послужило бы пробуждающим звонком, но я знал его слишком долго, чтобы надеяться на это.

Сторонники Херона замолчали первыми, в то время как остальные посвящённые и их товарищи кричали и аплодировали, но по мере того, как жестокость нарастала, даже самые пьяные из толпы замолчали. Звук хрюканья моего кузена наполнил комнату вместе с глухим звуком ударов раба по его плоти.

Наконец терпение моего кузена достигло предела. Он яростно замахнулся, заставив раба отступить, а затем протянул раскрытую руку. Ладонью вверх. Мои глаза сузились.

— Высокомерная тварь, — прорычал Херон, скаля окровавленные зубы. — Думаешь, ты годишься для того, чтобы обмениваться ударами с посвящённым моего ранга? Тебя позвали ради шутки. — В его ладони расцвёл свет. Это розовое сияние медленно, но неотвратно ползло к кончикам его пальцев.

— Да будет так. Если ты хочешь вести себя как посвящённый, то я буду обращаться с тобой как с таковым!

Мой никчёмный кузен бросился вперёд, ударив раба Розовыми Пальцами Зари. Если бы они попали, как должны были, я, возможно, взял бы его к себе, в ответ на такое оскорбление. Однако они не попали. Это было даже не близко.

Раб, с невероятной скоростью, бросился под захват моего кузена, нырнув ему в ноги и швырнув их обоих на мрамор. Эти розовые пальцы так и не нашли свою цель, раб с непреодолимым рвением скакал на нём через каждое кувиркание и перекачивание. А потом всё закончилось. Раб схватил его из-за спины и обмотал цепью горло моего кузена, подняв и начав душить его.

Тишина сменилась криками возмущения, когда Херон схватился за цепь, его самые ярые сторонники среди культа вскочили на ноги. Раб проигнорировал их всех и дёрнул сильнее, вставая и волоча за собой Херона. Глаза моего кузена вылезли из орбит.

— Достаточно.

Какое-то время раб не отвечал. Моя пневма поднялась.

Херон рухнул на пол, окрашивая мрамор в красный цвет, пока он тяжело дышал.

— Ты смеешь?!

— Наглый мусор!..

— Ты искушаешь Судьбы!

У меня закатились глаза. Молодые люди из Розовой Зари бушевали и плевали на одинокого раба, несомненно, чувствуя себя вполне праведными. Одному из них потребовалось унизительное количество времени, чтобы набраться смелости и подойти к нему, и то только в

компании двух других. Раб переминался с ноги на ногу, сгибая руки.

— Я сказал, хватит. — Три мистика замерли, глядя в мою сторону. Я отмахнулся от них. — Он достаточно многому научился у моего кузена, вы не согласны?

Присутствовавшие гетеры хихикали и смеялись, и лишь несколько других посвящённых хранили молчание в защиту моего кузена. Троица поспешила обратно на свои места к успокаивающим рукам своих наёмных компаньонов. Привязавшаяся ко мне гетера тихонько хихикнула, откинувшись ещё дальше, так что бедра её прижались к моей спине, а грудь покоилась над моей головой. Дерзко, даже для шлюхи.

Вскоре после этого Херон пришёл в себя, в глазах его сверкнул гром. Его пневма, какой бы жалкой она не была, бурлила убийственным намерением. Я подавил её своей, встретив его взгляд с тусклым весельем. На мгновение показалось, что он что-то сделает с этим, возможно, вызовет меня, но нет. Это было бы слишком мужественно с его стороны. Вместо этого он поднялся на ноги и вернулся в гостиную рядом со мной, столкнув свою проститутку со скамейки и одевшись в каменное молчание. Вскоре комнату заполнила болтовня пьяных молодых мужчин и женщин.

— Это было героическое усилие, — сказал я моему кузену. Его челюсти сжались. — Ты бы точно выиграл, если бы его ноги тоже были связаны. — Он молчал, и это была единственная заслуга, которую я ему дам. Дурак заслужил потерю репутации. Я осушил мою чашу до последней капли, пока не остался только нечистый осадок, закрывая глаза и следя за эссенцией духовного вина, протекающего через меня.

Поглаживающая рука гетеры замерла. Я открыл глаза и увидел раба, стоящего передо мной. Смотрящего на меня.

Смотрящего на меня с презрением.

Моя пневма затопила залы для симпозиумов. Мистики поперхнулись на духовном вине, а гетеры дрожали и прятались за ними. Шлюха позади меня не шевелилась, не дышала. Даже ярость моего кузена мгновенно сменилась беспокойством. Я поднял бровь на связанного человека, который осмелился встать надо мной.

Он был не впечатлён.

— Чем я могу служить Молодому Аристократу?

Его тон, его поведение, его выражение. Все они были совершенно неприемлемы.

— Я должен убить тебя здесь и сейчас, — честно сказал я ему.

— Если таково твоё желание.

Я оценил его. Он был изношен и оборван, но не так, как можно было бы ожидать от пожизненного раба. Его тело было мускулистым, как у свободных людей, а кожа была лишь слегка загорелой. Значит, продукт завоевания. Его обязанности ещё не исказили его тело, не иссушили кожу и не деформировали его осанку. Его глаза были вызывающими.

Я хлестнул рукой, и он не дрогнул от неё. Цепь, соединяющая его запястья, разошлась как

шёлковая нить.

— Это не моё желание, — решил я. — Оставь нас. Ты достаточно повеселился.

Раб опустил голову ровно настолько, чтобы не оскорбить меня. Затем он повернулся и вышел из комнаты, шлёпая босыми ногами.

Через несколько часов я вышел во двор, полуночный ветерок был более чем долгожданной передышкой от зала симпозиумов. Я глубоко вдохнул, а затем выдохнул, выдыхая своё раздражение и нетерпение на свежий воздух.

Я мог развлекать других мистиков только так долго, пока их софизм не начал душить меня. Это была обязанность, которую я не мог игнорировать как первый и единственный сын кириоса Культа Розовой Зари, и это была единственная причина, по которой я терпел её. Они были такими скучными. Их дух, их дискурс и особенно их культивирование. Они были так далеко от Олимп Монс, что я сомневался, что они вообще могли её видеть.

— Даже ты должен быть лучшей компанией, раб.

Раб, который не должен был находиться во дворе моего отца, не отрывал глаз от своей работы, хотя назвать это так можно было лишь с натяжкой. Он настраивал лиру. Это была грубая вещь: рычаги и переключатели из скрученного тростника, а колки из резной кости. Определённо ничего, за что член культа заплатил бы. Я подвинулся, чтобы рассмотреть поближе.

Наш двор был такого же размера, как и всё остальное поместье, то есть массивным во всех отношениях. Там, где обычный горожанин мог бы гордиться небольшим павильоном в центре своего дома, мы наслаждались огромным пространством полным ярких зелёных садов и мраморных статуй, вырезанных с божественной точностью в образах прошлых отцов семьи Этос, каждая из которых гордо стоит в пруде кристально чистой воды.

Раб уселся на край одного из этих водоёмов, чтобы выполнить свою работу, и даже зашёл так далеко, что окунул ноги в его чистые воды. Находиться вот так во дворе для собственного удовольствия уже было поводом для жестокой порки, но это? Это было поводом для казни. Если бы кто-то ещё нашёл его, он был бы уже мёртв.

Было видно, что ему всё равно.

— Чем я могу служить Молодому Аристократу? — спросил он снова, так же невозмутимо, как и раньше.

Я прислонился к колонне, покрытой вьющимися лозами, прежде чем осознал это, и смотрел через его плечо, пока он настраивал свой грубый инструмент. Каждая нажатая струна звучала слаще предыдущей.

— Сыграй для меня, — решил я.

И он начал.

Минуты, которые мучительно медленно тянулись в зале для симпозиумов, текли, как вода, во дворе, пока он ошипывал ниточки из овечьей кишки. Это был инструмент, сделанный из

материалов раба, но не руки раба заставляли его петь. Впервые за несколько часов я поймал себя на том, что слабо улыбаюсь.

— Ты опытный, — сказал я ему во время затишья. Он только кивнул, как будто ожидал моей похвалы. Возможно, так оно и было. Подозрение, посеянное в моём уме раньше, когда он прибыл с другими рабами, чтобы доставить еду и духовное вино, прочно укоренилось.

К счастью, это было просто подтвердить.

— Скажи мне, раб, — сказал я, глядя на небесную славу. — Ты родился в этом городе?

— Нет.

— Откуда же ты тогда?

— Из величайшего города в мире.

— Хо? Это дерзкие слова. — Мои руки были скрещены пока я думал. — Тогда продолжай. Давайте услышим имя этого великого города.

Челюсти раба сжались.

— Рим.

Я так и знал.

Музыка раба остановилась, его плечи напряглись. Он наблюдал за мной краем гневных серых глаз. Я ухмылялся, понял я. Это не входило в мои намерения. Тем не менее, даже в этом случае я обнаружил себя делающим ещё один шаг и озвучил первую мысль, которая пришла мне в голову.

— Я не знаю ни одного города с таким названием. Только засоленные руины.

Крестьянская лира разлетелась вдребезги о мраморную колонну, к которой мгновение назад прислонялась моя голова, черепаший панцирь разлетелся вдребезги. Я развернулся, поставив столб между нами, когда раб выпрыгнул из пруда.

Я глубоко вдохнул, чувствуя, как пневма проходит по моему телу. С первого удара Херон должен был признать свою ошибку. Он был дураком, но даже у дураков есть глаза. Но он настоял на том, чтобы относиться к своему противнику как к рабу, даже после того, как его тело почувствовало правду, и он заплатил за это.

Этот раб вовсе не был рабом.

Сжатые кулаки били обдуманно и быстро, каждый удар был истощающим, если попадал. Я продирался сквозь них, следя за движением его бёдер, пока он яростно отбрасывал меня назад. Несмотря на его ярость, его движения были точными и жестокими. Его гнев был холоден, но не его панкратион.

Панкратион, искусство связанного нанесения ударов и захватов, имел столько стилей и лиц, сколько и звёзд на небе. Это было первое, чему научился культиватор, и последнее, чем он овладел. Он не был броским и по своей сути не мог противостоять вооружённой фаланге или атаке кавалерии. Это было простое искусство, но бесконечное в своих маленьких сложностях.

Я поймал выпад поднятыми предплечьями и опустил плечи, двигаясь вперёд и швыряя нас обоих в пруд. В какой-то момент моя ухмылка превратилась в дикий оскал.

Царство, где панкратион действительно сиял, было в единоборстве. Один человек против другого. Там это стало чем-то божественным.

Моя пневма вспыхнула и проложила себе путь через моё тело, укрепляя мои мышцы и повышая их гибкость, пока мы боролись за контроль в чистых водах пруда. С самого начала мне было ясно, что в этом рабе что-то не так, что-то уникальное от других. Его выступление против моего кузена только сделало это очевидным.

Пневма была жизненной силой, которая давала людям силу, циркулирующим дыханием, питающим всю жизнь. Она присутствовала во всех живых существах, даже в тех, которые не дышали в традиционном понимании. Только избранные могли управлять своей пневмой. Ещё меньше тех, кто может сфокусировать её, сконцентрировать и приказать ей приумножаться.

Раб, однажды скованный цепями, не мог контролировать даже свою судьбу. Как он мог контролировать свою пневму?

Я схватил предплечьем горло раба и перевернул нас обоих, обвив одну ногу вокруг его собственной, а другой, упёршись в дно пруда. Я оказал давление, с которым не мог сравниться ни один обычный гражданин, усиленный моей собственной жизненной силой. Раб извивался и брыкался, как бык, рыча, пока скользкий мрамор на дне пруда не предал меня, и моя нога не соскользнула. Мы перекатались, вода наполнила мой нос и горло. Я смеялся.

В конце концов, это уникальное качество можно было описать только одним словом. Это бесформенное качество, которое привлекло внимание моего кузена, заставило его позвать раба для драки на глазах у его сверстников. Эта особая характеристика позволяла человеку, скованному цепями и лишённому всякого контроля над своей жизнью, бесстрашно бросаться на гораздо более сильного противника.

Чтобы презирать меня своим взглядом, и бить по моему лицу сжатым кулаком.

— Наглость! — воскликнул я в чистейшей радости и тут же ударил его в ответ.

Мы сидели бок о бок, опираясь на руки, и переводили дыхание у семейного пруда. Его воды были окрашены в красный цвет.

— Как тебя зовут, раб? — спросил я его. Он поморщился и сплюнул кровь.

— Солус.

Конечно. Что ещё это могло быть?

— Король ничего. Король никого. Я буду звать тебя Сол. — Сказал я, откинув голову назад. Я был в синяках и истекал кровью. Я никогда в жизни не чувствовал себя лучше.

— Зови меня Грифон.

<http://tl.rulate.ru/book/93122/3079218>